

УДК 101.1; 316.3

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФРАГМЕНТАРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье рассматриваются основные эпистемологические установки социального конструктивизма на примере анализа концепции общества как коммуникативной системы и фрагментарной реальности. Исследуются особенности развития сетевой коммуникации, рассматриваются изменения в общественной практике, произошедшие под воздействием сети. Для определения социальной реальности как фрагментарной и сетевой автор статьи использует конструктивистский подход Н. Лумана. В основе системной теории социальных систем Лумана лежит отрицание самодостаточности бытия и самоценности смысла. В результате реальность уже не существует независимо от наблюдателя, а является его изобретением. Таким образом, наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга, что в итоге приводит к увеличению ответственности и этической проблеме выбора человека.

In this article are considered the basic epistemological installations of social constructivism on an example of the analysis of the concept of a society as communicative system and fragmentary reality. Features of development of network communication are investigated, changes in public practice, events under the influence of a network are considered in the article. The author of this article uses social constructivism by N. Luhmann for determination social reality as fragmentary and a network. In the basis of the system theory of social systems Luhmann are denied the self-sufficiency of life and self-value of sense. As a result the reality does not exist anymore irrespective of the observer, and is his invention. Thus, the observer and observable in common design each other, which as a result lead to increase in the responsibility and an ethical problem of a choice of the person.

Введение. Одним из важнейших признаков современного общества является утрата прошлым своей детерминирующей силы для современности. Место прошлого занимает будущее как нечто несуществующее, конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а значит переживаемое как возможность выигрыша или проигрыша. Установка на анализ причинно-следственных связей как недоказуемых с позиции будущего приводит не только к накоплению рисков, но и к фрагментарности реальности. Такой тип современного общества З. Бауман определяет как индивидуализированное общество, в котором для человека значимо разрешить проблемы собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. Риск выбора опосредован тем, что во фрагментарной социальной реальности размывается нормативность в сфере морали, что, в свою очередь, приводит к хронической неопределенности жизненных стандартов и социальному беспокойству. Одной из реакций на эти общественные изменения становится фрагментаризация, которая одновременно выступает как способ конструирования и изменения социальной реальности и как новый гибридный тип рациональности. Определение социальной реальности как фрагментарной требует нового подхода к ее исследованию, а именно: конструктивистского.

Основная часть. Фрагментарность реальности можно выразить в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального;

размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Так, например, фрагментаризация реальности осуществляется с помощью средств массовой информации, в частности, таким приемом, как создание визуального образа в процессе мониторинга множества популярных газет или сканирование пакета ТВ-каналов, т. е. «зэппинг» (zapping) как результат быстрого переключения теле- или радиоканалов. В результате этого происходит наложение и совмещение друг с другом самых различных фрагментов транслируемых изображений, а значит и самой реальности. Целостный ее образ возникает лишь на миг, он возможен только в определенном контексте, «здесь и сейчас». Момент «здесь и сейчас» предстает как случай, который нельзя по-другому выявить, не зафиксировав его как фрагмент. Фрагменты этого уже исчезающего образа целостности не имеют смысловой связи, то, что их объединяет, – это сам миг переключения, перехода из одной смысловой реальности в другую.

Фрагментаризация как новый гибридный тип рациональности упорядочивает неопределенности, правда, до определенной степени, придавая ситуативному фрагменту реальности очертания целостного образа. Фрагментаризацию можно измерить в соответствии с критериями, предложенными М. Вебером для определения формальной рациональности. Так, под

эффективностью фрагментаризации понимается оптимальный способ достижения прагматической цели, связанный с нарушением общепринятых правил за счет создания ситуативных норм. Такая позиция характерна для индивида общества постмодерна, видящего реальность как текст, и извлекающего фрагменты из первоначального контекста, и выстраивающего их заново так, чтобы они оказались вообще свободны от каких бы то ни было контекстов, приписываемых им смысловые коннотации. Калькулируемость предполагает подсчет возможных рисков и их параметры. Предсказуемость связана с сознательным принятием отсутствия принудительной каузальности. Именно поэтому в качестве конкретного осуществления фрагментаризации выступает техника монтажа, предполагающая случайное комбинирование типичных социальных практик. Контроль не может осуществляться как прямой. Фрагментарная реальность представляет собой загадку, предполагающую множественность прочтений и интерпретаций, в силу этого контроль уступает место аллегорическому прочтению реальности. Таким образом, аллегория выступает единственным способом репрезентации истории и времени как катастрофы, как разрыва с ценностями и традицией. Поэтому фрагментаризация, выступая гибридным типом рациональности, проявляется только в моменты социального перехода и трансформации общества, ценностных ориентаций и выбора новых социальных практик. Только в силу этого она может оказывать общее рационализирующее влияние на социокультурное развитие современного общества.

Фрагментарная реальность предполагает новые формы общественной коммуникации, такие как информационные сети. Сеть развивается стремительно, переходя от локальных пространств к глобальным, ее цифровой код утрачивает роль средства, постепенно преобразовываясь в цель. Данный процесс не есть что-то абстрагируемое от реальности, его влияние на социальную структуру современных стран очевидно. В Республике Беларусь эти процессы менее заметны, однако они приобретают прогрессивный характер. Например, Парк высоких технологий, товарно-денежный обмен посредством электронных сетей, информатизация социальной жизни. Поэтому современные процессы фрагментаризации социальной реальности и расширение информационных сетей можно определить как факт становления « сетевого общества ». Социальные сети были всегда (например, семья, круг знакомых и родных, религиозные сети, научные, маркетинговые и др.). Однако в настоящее время их значимость растет.

Концептуальное осмысление феномена сети М. Кастельса базируется на построении сообществ на основе сетевого индивидуализма. Он констатирует, что в силу новых коммуникативных возможностей, предоставляемых сетью, люди постепенно утрачивают некогда прочную связь с локальными сообществами. Если ранее социальная идентичность достигалась путем привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. «Такая индивидуализированная связь с обществом», – по Кастельсу, – «является специфической формой социальности» [1, с. 155]. Связь и взаимодействие сетей определяется способностью к коммуникации на основе «кода», представляющего собой социальное содержание сети.

Философской рефлексии проблему сети подвергли Ж. Делез и Ф. Гваттари, положив в основу концепции связь и гетерогенность сетевой структуры. Центральным понятием здесь является заимствованный из ботаники термин «ризом». Применительно к сети он означает такое количественно-качественное состояние структуры, при котором каждая точка может быть соединена с любой другой в децентрализованной и антииерархичной структуре сети, не имеющей исходного пункта развития. При этом для координации действий и синхронизации результата не нужен центральный орган, главенствующее значение принадлежит здесь коммуникативным связям на основе единого кода. Ризоматическая форма сетевого сообщества становится все более распространенной. Это сфера пересекающихся сетей, накладывающихся друг на друга.

Итак, можно констатировать, что основным отличием новых сетевых структур от традиционных является качественно иной «способ их организации». Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. доминировать стали не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Новая архитектура социального пространства стала развиваться в так называемом «сетевом поле». Являясь единым информационным множеством, в котором информация распространяется мгновенно между всеми акторами, поле предстает в качестве среды, позволяющей социальным классам группироваться и перегруппировываться, а социальным институтам – формироваться или реформировываться.

В основу концепции « сетевого общества » положено представление об информации как

знании, порождающем изменение системы. Фундированная основными положениями электронных систем и технологий сеть непосредственно зависима от их развития. Поэтому качественные изменения, произошедшие в сети, в конечном итоге предъявили сеть как универсальное средство доставки информации для широкой массы потребителей свободных ресурсов. Особо следует отметить также и тот факт, что если в начале процесса социальным пространством адаптировалась сеть, то в данный момент адаптации подлежит то, что еще не в сети. Таким образом, если ранее сеть развивалась, детерминированная потребностями социума, то сейчас сам социум начинает развиваться по законам сети. Экспансия сети в социальную среду подвергла общество трансформации, породила новые формы социальной организации. Значимость иерархических отношений уступает место значимости положения в системе сетевых связей. Эволюция сети приводит к тому, что сама сеть перестает существовать как часть несетевого мира, так как мир становится сетевым, фрагментарным.

Интерпретация социальной реальности как фрагментарной и сетевой определяет новый подход к ее исследованию, а именно: конструктивистский. Используя конструктивистский подход, мы делаем акцент на том, что социальная реальность конструируется в результате взаимодействия людей, которое становится основой возникновения системы, а коммуникация, связанная с действием, наделяет саму систему смыслом. Такой подход актуален в условиях глобализации, так как именно она на сегодняшний день является важнейшим социально-экономическим, политическим и культурным фактором, оказывающим влияние на современное социальное конструирование.

В качестве примера использования конструктивистского подхода к исследованию общества как одновременно коммуникативной, фрагментарной и сетевой реальности можно привести теорию систем Н. Лумана.

Луман создает системную теорию социальных систем, в основе которой лежит отрицание самодостаточности бытия и самоценности смысла. Отсюда порядок реального мира уже не существует независимо от наблюдателя, а представляет его изобретение. При таком конструктивистском подходе реальность зависит от наших попыток и способов ее упорядочить и сама в соответствии с этим изменяется. Таким образом, получается, что наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга и в процессе такой интерпретации событиям придается смысл и порядок. Так, социальная система у Лумана конституируется смыслом,

который она сама и производит. Главной определяющей общества выступает коммуникация, которая конституирует социальную систему как процесс, в котором возникает смысл и вместе с тем происходит образование системы.

В отличие от радикального конструктивизма, в социальном конструктивизме Лумана не отрицается реальность, напротив, он осуществляет поиск внутренних референтов, «спецификаций» реальности. Среда реальна как внутренний мир системы, неповторимый и индивидуальный. Эту способность систем ссылаться на себя в теории автопоэзиса принято называть «самореферентностью». Другими словами, самореферентность – это порог сложности системы, разграничивающий то, что ниже этого порога, т. е. спонтанный распад систем на простые компоненты, и то, что выше этого порога, т. е. эволюцию к более сложным конфигурациям посредством самоконструирования. Таким образом, вместо понятия объективной действительности Луман оперирует понятием окружающей среды данного конкретного социального организма, которая через этот организм и задается.

В социальной системе, в отличие от биологической, Луман выявляет семантическую замкнутость коммуникативных процессов. Именно в итоге эволюции самореферентных систем и появляется смысл. Так, социальные системы конституированы на основе смысла, или на «способности согласованности», которая только и делает возможным процесс различения на «систему и окружающий мир», вследствие чего события становятся системными элементами. Наблюдатель в социальной системе является звеном в сети процессов, определяющих систему как целостность. Это, в свою очередь, обозначает, что наблюдатель не может выйти за пределы целостности даже для того, чтобы определить границы системы, т. е. он неразрывно связан с целостностью, являясь ее неотъемлемой частью. Стремясь описать систему, наблюдатель модифицирует ее, изменяясь сам. Такое самописание схоже с герменевтическим кругом. Таким образом, в конструктивистском подходе Лумана не игнорируется внешняя среда, просто она рассматривается под другим углом зрения: как внутренний мир системы. Поэтому предметом социального конструктивизма выступает общество как социальная система, которая сама себя истолковывает. Тем самым изменяется и методология социального познания: описание предмета включается в сам предмет описания.

Заключение. В отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая рациональность и, в данном случае,

коммуникативная реальность как фрагментарная и сетевая сталкивается с таким типом предметности, познание которого как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Необходимо достраивание реальности, а значит введение объектной составляющей в контекст требований и решений, обусловливаемых человеческим фактором. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она не является чисто познавательной рациональностью, претендующей на постижение реальности такой, какая она есть, а наоборот, выступает формой социально-гуманитарной, проектно-конструктивной рациональности. Специфика человекоразмерных комплексов заключается не в воплощении в реальности и превращении в законченную

конструкцию, а в том, что их осуществление невозможно без соотнесения с определенными социогуманитарными установками. Эта реальность – сфера человеческой жизнедеятельности, – в отличие от объектной реальности, предполагает незавершенность, открытость, превращаемую в действительность решениями, поступками. Таким образом, фрагментарное «сетевое общество» как субъективная реальность в качестве объекта изучения конструируется не процессом ее изучения, а в значительной мере социальными коммуникациями.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004. – 687 с.

Поступила 15.03.2012